

И.И. Юрганова

DOI: 10.25693/SVG.V.2022.40.3.003

УДК 271.2(571.5)

Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины

Научная новизна. В статье приведена краткая характеристика миссионерской деятельности Русской православной церкви на восточно-сибирских территориях, рассматриваемая в проблематике апробированных и используемых современной гуманитарной наукой теорий фронта и имперских окраин.

© Юрганова И.И., 2022

Цель и задачи. Целью является обращение к современным методологиям исследования деятельности Русской православной церкви как одного из элементов имперской политики инкорпорации восточно-сибирских территории в состав российского государства.

Методы исследования. В соответствии с целью работы в исследовании привлечены цивилизационный подход и его производная – межцивилизационный диалог, одним из результатов которого является переход от этапа фронта к окраинам; мондиалистский подход, признающий социокультурную специфику локальных сообществ посредством религиозно-символических форм и принцип холизма (целостности), рассматривающий миссионерскую деятельность Русской церкви в качестве составной части государственной политики по освоению Восточной Сибири.

Результаты. Определено, что миссионерская деятельность способствовала коммуникационному диалогу, приобретавшему особую значимость во фронтальных зонах; отмечено, что основной причиной перманентности процесса христианизации являлась политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака; указано на незначительное влияние христианской ментальности в жизнедеятельности народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, тогда как у городского населения и крестьянства Восточной Сибири к началу XX в. имелось православное мировоззрение. Сделан вывод о роли Церкви, обеспечивавшей присутствие государства на отдаленных территориях, и значимости ее деятельности в переходе от фронта к окраинам.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Русская православная церковь в Восточной Сибири, сибирский фронт, религиозный фронт, сибирские окраины, миссионерство, миссионерские станы

I. Введение. Одним из направлений современных гуманитарных исследований является обращение к концепции фронта как пространственной категории и комплексному, многогранному феномену, включающему экономико-географические, хозяйственно-исторические, философско-культурологические и духовно-ментальные аспекты [Тернер, 2009; Андреева, 2017]. Этимологически фронт обозначает границу (англ. *frontier* – буквально «рубеж», «граница»), автор концепции Ф. Дж. Тернер трактует ее как «точку встречи дикости и цивилизации» [Тернер, 2009: 14]. Данная теория, возникшая в конце XIX в., через столетие стала объектом изучения процесса освоения сибирских территорий, многообразие этносов и культур которых способствовало формированию особого транскультурного пространства, в том числе и фронта религиозного [Резун, 2001б; Румянцев, Хахалкина, 2009; Иванова, 2016]. Научная литература обращала внимание на особенности формирования сибирского фронта и ментальности сибиряков [Агеев, 1997; Замятина, 1998; Резун, Шиловский, 2005]. Д.Я. Резун определяет фронт как «место или момент встречи двух культур разного уровня развития» («подвижная граница») [Резун, 2001а]. И.В. Побережниковым для анализа развития периферийных регионов Российской империи предлагается концепция фронтальной модернизации

[Побережников, 2019]. А.С. Хромых, обосновывая широкое поле для дискуссий, отмечает, что фронт имеет различные подходы, но ключевым фактором является рождение нового общества как результат синтеза и социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения [Хромых, 2008: 107]. Зарубежные исследователи истории сибирской колонизации констатируют присутствие элементов фронта на данных территориях [см. Очерки историографии..., 2022: 47].

Наряду с этим исследовательское внимание привлекает теория имперских окраин, авторы которой рассматривают типы и модели управления окраинами и, проводя их компаративный анализ, подчеркивают роль этнического и природно-географического фактора [Дамешек, 2003, 2018; Ремнев, 1999].

Обращение к суждениям данных концепций в контексте выявления и анализа роли и значения Церкви в вовлечении сибирских народов в выполнение общегосударственных задач имеет как *теоретическую значимость* для расширения исследовательских методов и проблематики, так и *практическое значение* по обобщению исторического опыта взаимоотношений «государство–церковь–общество». В связи с этим представляет интерес обращение к миссионерской практике Русской православной церкви на восточных окраинах в контексте привлечения

современных теоретических концептов для определения роли и степени влияния государственной религии в процессе инкорпорации отдаленных территорий в состав государства.

II. Материалы и методы. Целью исследования является обращение к апробированным современной гуманитарной наукой теориям фронта и имперских окраин для рассмотрения деятельности Русской православной церкви как составной части имперской политики.

Представляется актуальным привлечение цивилизационного подхода как одной из форм трансдисциплинарных научных исследований. В связи с этим широко трактуемую дефиницию цивилизации рассматривают как в унитарном, так и в локально-историческом дискурсах, относя к последнему цивилизацию «встречи», или диалога, результатом которого может быть религиозный симбиоз, выраженный призмой локальных ценностей и исторического опыта в ходе перехода от этапа фронта к окраинам. Наряду с этим является обоснованным обращение к мондиалистскому подходу, признающему социокультурную специфику локальных сообществ, их цивилизационную матрицу и взаимосвязь «локализма» и «глобализма» через посредство религиозно-символических форм.

Значимым в заявленном аспекте представляется принцип холизма (целостности), рассматривающий исторические события в целостной системе с обязательным наличием системообразующего элемента, придающего устойчивость системе, в данном случае – церковно-государственной политики империи по вопросам миссионерской деятельности Русской православной церкви, определяющей и коррелирующей христианизацию сибирских этносов.

Источниковой базой стали документы фондов Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Саха (Якутия), содержащие сведения об участии Русской православной церкви в решении задач по вовлечению восточно-сибирских этносов в российскую государственность.

III. Результаты

Фронт на восточных окраинах империи

Продвижение русской государственности на восток имело противоречивый характер: несмотря на известные факты насилия по отношению

к местным этносам, в целом присутствовала мирная перманентная инкорпорация сибирских территорий, когда вслед за военно-административным присутствием начиналось освоение хозяйственное. Составной частью инкорпорационного процесса выступала деятельность Русской православной церкви, все более вовлекающейся в решение государственных задач. Русские государи принимали участие в Церковных Соборах, выделяли средства на строительство сибирских храмов и обеспечение их необходимой утварью, и вслед за административно-территориальным оформлением сибирских просторов следовало становление церковных структур.

В 1620 г. в Сибири на правах властелинской была учреждена Тобольская (Сибирская) епархия (архиепископия). Первоначально епархия не имела определенных границ, и зона фронта начиналась за городской чертой Тобольска. Территория церковного округа расширялась по мере утверждения российского господства, включая новые территории и проживающие на них этносы. Одной из основных обязанностей тобольских архиереев была христианизация местного населения, в большинстве языческого. Царский указ о крещении всех народностей, проживающих в Поволжье (1681), ставший руководством к действию для тобольского владыки, инициировал многочисленные жалобы сибирских татар о принуждении их к вступлению в православие, вследствие чего новым указом царя предписывалось крещение добровольное (1685). Исследователи указывают, что принцип добровольности утвердился в конфессиональной политике государства с середины XVI в., а требование крестить сибирских иноземцев по принуждению объяснялось как спецификой задач и проблем, возникающих при присвоении Сибири, так и позицией самого священства, ревностно относившегося к принятию в лоно церкви иноверцев [Конев, 2013: 103]. Следует отметить, что миссионерство являлось наиболее зависимым от государства направлением деятельности Церкви, но только Православной церкви было дано право его осуществления, законодательно подтвержденное статьями Соборного Уложения (1649).

В отношении пропаганды православной веры сибирские просторы представляли трудности «из-за громадности пространств, разбросанности и разноязычия народов», недостаточности и/

или отсутствия путей сообщения. Очевидно, что в XVII – начале XVIII вв. была неосуществима систематическая миссионерская работа, и функции миссионеров возлагались на все духовенство епархий, имевших в своем составе инославное население и язычников [Попов, 2005: 56].

Главной причиной перманентности христианизации была политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака. Ясакплательщики наполняли «государеву казну», и одной из задач местных администраций являлось сохранение и пополнение их численности [Санников, 2016: 12]. Запрет насильственного обращения в христианство был продиктован фискальными интересами русской администрации, свидетельством чего являются наказания, выдаваемые сибирским воеводам. В лице воевод власть контролировала деятельность духовенства и, исходя из задач ясачной политики, регулировала процесс христианизации. Все факты принудительного крещения подлежали обязательному рассмотрению на воеводском дворе. Кроме того, по сложившейся практике воевод, направляемых на службу в нехристианские уезды, сопровождала «целая церковная миссия»¹.

Новоокрещенные проживали в острогах или вблизи от русских поселений, имея возможность постоянной коммуникации с православными. Взаимодействию неофитов с пришедшим населением способствовало негативное отношение к ним соплеменников, ясачный оклад которых возрастал в зависимости от увеличения численности крещеных. Фронтальные пространства имели прецеденты, когда крещение от священника принимал родоначальник или князец, а другие члены кочующего рода окрещивались заочно с передачей им крестиков и икон в связи «дальностью и неудобностью пути» [Иванов, 1979]. Возможности для расширения религиозного влияния предоставляло вступление в христианство иноверческой элиты, и каждый подобный случай доводился до сведения и светской, и церковной администраций. Приветствовалось венчание браков с «ясырками», дети которых в перспективе должны были получать воспитание на основе христианской ментальности.

Известна практика «отдачи новокрещенцев» в монастыри для коммуникации и социализации в среде православных [Бущинский, 1999: 244]. На восточносибирской территории к концу XVII в. действовало 14 монастырей (12 мужских и 2 женских). Значимая роль в содержании монашеских обителей принадлежала государству, что предоставило возможности превращения монастырей в многопрофильные хозяйственные субъекты, внесшие вклад в заселение и хозяйственное освоение края. Для местного населения монастыри были привлекательны перспективами получения дохода: обработка монастырской пашни, обслуживание монастырского скотоводства, соляные и рыбные промыслы и т.д.

Модернизация Петра Великого привнесла изменения в организацию миссионерства, в том числе переход к массовой христианизации, продолжившейся до введения в действие «Устава об управлении инородцами» (1822). Характеристиками нового этапа стало назначение штатных миссионеров (веропроповедников, походных священников) и разработка основ направлений и методики их деятельности. Власть осознавала важность закрепления отношений подданничества «в христианском просвещении иноверцев, тогда как не принявшие крещение были подданными ненадежными» [Спаский..., 1904]. Задачей Церкви являлось принесение православных традиций с целью формирования мировоззрения местных этносов как подданных империи и, выполняя роль доминирующего идеологического института, Русская православная церковь стремилась оказывать влияние на все основные процессы жизнедеятельности восточносибирского социума.

Существенной мотивацией для вступления в христианство являлись налоговые льготы (ясак) и одаривание (иконы, крестики, рубахи, порты, кафтаны, ичиги и др.)². Помимо этого, неофиты, проживающие в юго-восточных районах Сибири, имели право получения земельных наделов для ведения хозяйства и перехода к оседлому образу жизни. Смена веры происходила добровольно на основании социального или политического выбора. Переход в православие обеспечивал не только сближение с русскими и попол-

¹Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1177. Оп.3. Ч.1. Д.212. Л.7.

²РГАДА. Ф.248. Оп.14. Д.796. Л.938 (об.)

нение рядов служилых людей, но и ознакомление с христианской культурой и образом жизни.

Миссионерство размывало фронтальные границы, но значительные территориальные просторы востока Сибири обусловили его специфику. Возведение храмов привлекало оседлое сельское и городское население, тогда как в жизнедеятельности народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, влияние православной ментальности было невелико. Кочевники оставались на уровне фронта (рубежа), вне сферы влияния христианства, их вступление в православие в большинстве было формальным, связанным с материальным или каким-либо иным интересом.

Первой духовной миссией в Восточной Сибири стала Даурская миссия в составе 12 человек во главе с игуменом Феодосием (1681) с задачей христианизации забайкальских и частично даурских бурят. Значимых результатов в деятельности миссии не случилось, и после учреждения Иркутской епархии (1727) миссионерской практикой занимались иркутские архиереи. По ходатайству одного из них, епископа Михаила (Бурдукова), была открыта 2-я Забайкальская миссия (1814–1842), затем в 1862 г. учреждена 3-я миссия. Ко второй половине XIX в. действовали также Иркутская духовная миссия, миссионерские станы в Русской Америке (Коломенский, Кенайский, Квихпакский, Кукоквиленский, Нужагакский), восточной части Сибири (Анадырский, Верхнеамурский, Среднеамурский, Нижнеамурский и Корейский) и Чауно-Чукотский миссионерский стан на п-ове Чукотка. Тем не менее в 1828 г. Св. Синод констатировал, что «здесь еще живут народы, не познавшие христианства или по обращению не довольны в оном утвержденные и наставленные» [Цыпин, 2009: 184]. Присутствие в Сибири нехристианского населения было зафиксировано и Уставом об управлении инородцами (1822), вводившем в юридическую лексику понятие «инородцы».

Дальнейшая активизация миссионерского дела была направлена на реорганизацию миссий, предусматривающую создание комплекса учреждений, призванных стать центрами распространения и утверждения православия (церковь, школа, богадельня, жилые и хозяйственные постройки при церкви и др.) и обладающего широкими коммуникационными возможностями. Государственное финансирование миссий было недостаточным, и значимую материальную поддержку и обеспечение (книги, учебники, семена, медицинские препараты и др.) восточно-сибирские миссии стали получать от созданного в 1865 г. Православного миссионерского общества. Следует отметить, что инициатива учреждения общества принадлежала алтайскому миссионеру архимандриту Макарию (Глухареву), изложившему свое видение объединения и координации миссионерской деятельности в рукописи «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами и язычниками в Российской Державе» (1839).

Успешность вовлечения инородцев в христианство во многом зависела от личности миссионера. Миссионеры и подвижники в истинном понимании данной деятельности обеспечивали возможности религиозной инкорпорации сибирских этносов. Так, Алтайская миссия была названа «образцовой» благодаря многолетним стараниям Макария (Глухарева)¹, Камчатская миссия обрела известность в связи с деятельностью Нестора (Анисимова)², а рассмотрение на заседаниях Св. Синода вопросов, связанных с Восточной Сибирью, соотносимо с именем свт. Иннокентия (Вениаминова)³ которому, кроме прочего, удалось получить одобрение высшей церковной инстанции империи о приеме в духовное звание инородцев «без испрашивания разрешения на то Правительствующего Сената ... по предварительному сношению с местным начальством», положившее начало формированию местных священнических династий (1855)⁴.

¹Архимандрит Макарий (Глухарев Михаил Яковлевич), 1792–1847, миссионер, предпринявший одну из первых попыток перевода Библии на русский язык, начальник Алтайской духовной миссии (1830–1844).

²Митрополит Нестор (Анисимов Николай Александрович), 1885–1962, епископ Православной российской церкви и Русской православной церкви за границей, «Апостол Камчатки».

³Святитель Иннокентий (Вениаминов (Попов) Иван Евсеевич), 1797–1879, митрополит Московский и Коломенский, миссионер, богослов, лингвист, переводчик.

⁴Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф.225-и. Оп. 1. Д.1588. Л.6.

Подготовка кадров сибирских миссионеров с 1854 г. осуществлялась на миссионерском отделении Казанской духовной академии, где, помимо изучения «инородческих» языков, в учебный план отделения входили дисциплины по этнографии, религиозным верованиям и миссионерской педагогике. В 1867 г. в Казани было создано просветительское братство св. Гурия, распространявшее христианские книги на языках народов Сибири.

После учреждения в Восточной Сибири новых церковно-административных округов (Камчатская (1840), Енисейская (1861), Якутская (1870) и Забайкальская (1894) епархии) религиозный фронт ир и ассимиляция уже вовлеченных в православие инородцев становятся обязанностью епархиальных органов и учреждений. Но уровень данной вовлеченности оставался различным. Переселенческая политика государства способствовала переходу к оседлому образу жизни части населения Енисейской губернии, Прибайкалья и Забайкалья, тогда как специфика проживания на северо-востоке и нерентабельность земледелия обуславливала ведение полукочевого и кочевого хозяйствования. Городское население и крестьянство регулярно посещало храмы, принимало участие в религиозных обрядах и обладало началами православного мировоззрения, но чукчи, камчадалы и ламуты по-прежнему оставались в ведении миссионеров и походных священников. У якутов и значительной части бурят, причисленных к приходским причтам, также не сложилось традиционного православия, хотя в их повседневности присутствовали элементы христианства (крестики, иконы, молитвы). Особенная ситуация миссионерской практики присутствовала в Забайкалье, где противодействие распространению и утверждению православия оказывал буддизм, получивший значительные преференции от государства, и зона христианской ассимиляции зачастую ограничивалась территорией миссионерского стана, за пределами которого начиналось фронтальное пространство¹. Записки и отчеты станов, опросники ПМО содержат сведения, свидетельствующие о разнообразных коммуникационных каналах миссионеров, практическое

осуществление которых обуславливалось условиями проживания и ментальностью этносов². В связи с этим в перспективе представляется актуальным проведение компаративного анализа специфики данного процесса на территории Восточной Сибири с привлечением исторических источников, рассматриваемых в проблематике теорий фронта и имперских окраин.

Таким образом, монастырская колонизация, строительство храмов, социально-просветительская и переводческая деятельность Православной церкви способствовали процессу транскulturации, но наряду с этим сохранялась «культурная непрозрачность» северных этносов и их «особость», ставшая триггером консервации традиционных культур [Юрганова, 2021: 148–169].

Проблемы деятельности внутренних миссий империи были предметом широкого обсуждения церковной и светской общественности конца XIX – начала XX столетий. На общероссийских и региональных миссионерских съездах разворачивались дискуссии о путях преодоления миссионерского кризиса как в отношении недостаточной религиозности инородческого населения, так и о необходимости миссионерской работы среди русских. Предлагались и выработывались конкретные программы действий, которым, увы, не суждено было воплотиться в связи со сменой исторической парадигмы в 1917–1918 гг. [Краевский, 2012].

IV. Обсуждение. Обращение к теории фронта в истории колонизации Сибири в российской историографии соотносится с последним десятилетием XX в. Тем не менее в настоящее время еще не сложилась единая концепция сибирского фронта: «скорее это своеобразные „авторские теории“, каждая из которых дополняет друг друга» [Иванова, 2016: 74]. Исследователи обращались к различным аспектам проблематики, а именно условиям формирования фронта, темпам формирования, вопросам экономического и политического характера, но фронт религиозный, по мнению автора, не получил должной разработки.

Вопросы инкорпоративной деятельности Русской православной церкви рассматриваются

¹Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.440. Д.1274.

²РГИА. Ф.796. Оп.440. Д.1260, 1261, 1268; Оп.445. Д.304; Ф. 1265. Оп.1. Д.109.

и в контексте теории имперских окраин. В монографии Л.М. Дамешека, изучающего сложный и многосторонний процесс освоения сибирских территорий, выделена отдельная глава по христианизации как составной части окраинной политики [Дамешек, 2018: 295–322]. В связи с этим представляется содержательным и имеющим научные перспективы изучение деятельности Русской православной церкви в Восточной Сибири «от фронта до окраины».

V. Заключение. Деятельность Русской православной церкви в Восточной Сибири имеет более чем трехвековую историю, и ее роль в переходе от фронтальных территорий к ассимилированным в той или иной мере в имперскую государственность окраинам значима и неоспорима. Исследователи отмечают, что каждому из этносов, населявших империю, была присуща особая ментальность, обеспечивающая устойчивость имперской конструкции [Очерки историографии..., 2022: 213]. Выполняя миссионерские задачи, Православная церковь обеспечивала присутствие государства на окраинных территориях и, используя различные коммуникационные каналы, размывала фронтальные рубежи. Успехи и неудачи восточно-сибирского миссионерства находились в прямой зависимости от внутренней политики государства, финансировавшего и коррелирующего деятельность Церкви.

Обращение к историческому опыту миссионерской работы Русской православной церкви в контексте современной гуманитарной методологии представляет научный интерес для осмысления взаимодействия пограничных культур, возможностей их вовлеченности в государственное пространство и формирования глобального и локального культурного ландшафта.

Список литературы:

- Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронт. Томск, 1997. Вып. 2. С. 30–31.
- Андреева А.А. «Фронт» как культурно-историческая категория // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 1 (33). С. 120–125.
- Бущинский П.Н. Сочинения. Тюмень: Изд-во Ю.Л. Мандрики, 1999. Т.2. 328 с.
- Дамешек И.Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в российском законодательстве // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 53–55.
- Дамешек Л.М. Сибирские «иногородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
- Замятина Я.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–88.
- Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск: Наука, 1979. 240 с.
- Иванова Л.М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 4. С. 72–76.
- Конев А.Ю. Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении инородцев Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-3 (38). С. 101–107.
- Краевский А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Наука, 2012. 708 с.
- Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX вв.): учебное пособие / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.А. Иванов, В.П. Шахеров [Ответственный редактор: Л.М. Дамешек]. Иркутск: изд-во ИГУ, 2022. 319 с.
- Побережников И.В. Поволжье и Урал — региональные модели фронтальной модернизации в Российской империи // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2020. С. 21–29.
- Попов Г.А. Сочинения. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС (Я), 2005. Т.1. 280 с.
- Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII в. (историко-сравнительные параллели) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001а. Вып. 1. С. 8–23.
- Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001б. Вып. 1. С. 29–54.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: изд-во «Сова», 2005. 196 с.

Ремнев А.В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе (XIX век) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Бахрушинские чтения, 1997 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1999. 199 с.

Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 109–125.

Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.

Спасский монастырь. Краткий исторический очерк. 1644–1904 гг. СПб.: Типолитография И. Лурье и К., 1904. 15 с.

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории [Пер. А.И. Петренко]. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Хромых А.С. Проблема «Сибирского фронта» в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 106–112.

Цыпин В., протоиер. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. (1700–2005). М., 2009. 864 с.

Юрганова И.И. Путевые заметки походного священника конца XIX века (публикация документа) // Вестник Свято-Филаретовского гуманитарного университета. 2021. Вып. 39. С. 148–169. DOI: 10.25803/26587599_2021_39_148.

References:

Ageev A.D. Amerikanskii frontir i sibirskii rubezh kak faktory tsivilizatsionnogo razloma [The American “Frontier” and the “Siberian Frontier” as factors of the civilizational rift]. *Amerikanskii i sibirskii frontir* [The American and Siberian frontier]. Tomsk, 1997. № 2. Pp. 30–31. (In Russian)

Andreeva A.A. Frontir kak kul’turno-istoricheskaya kategoriya [“Frontier” as a cultural and historical category]. *Vestnik Kalmykского университета* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2017. № 1(33). Pp.120–125. (In Russian)

Butsinskii P.N. *Sochineniya* [Essays]. Tyumen, Ju.L. Mandriki Publ., 1999. Volume 2. 328 p. (In Russian)

Dameshek I.L. Sootnoshenie imperskikh printsipov i regionalizma v rossiiskom zakonodatel’stve [Correlation of imperial principles and regionalism in Russian legislation]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2003. № 2. Pp. 53–55. (In Russian)

Dameshek L.M. *Sibirskie inorodtsy v imperskoi strategii vlasti (18 – nachalo 20v.)* [Siberian “foreigners” in the imperial strategy of the power (18th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2018. 456 p. (In Russian)

Zamyatina Ya.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikansko i russkoi kul’turakh [The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. 1998. № 5. Pp. 75–88. (In Russian)

Ivanov V.F. *Pis’mennye istochniki po istorii Yakutii 17 veke* [Written sources on the history of Yakutia of the 17th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 240 p. (In Russian)

Ivanova L.M. Sibirskii frontir: izuchenie voprosa v otechestvennoi nauke [Siberian frontier: the study of the question in Russian science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. № 4. Pp.72–76. (In Russian)

Konev A.Yu. Pravovye aspekty konfessional’noi politiki v otnoshenii inorodtsev Sibiri v kontse 16 - nachale 18 vekov [Legal aspects of confessional policy towards the foreigners of Siberia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and practice]. 2013. № 12–3 (38). Pp.101–107. (In Russian)

Kravetskii A.G. Tserkovnaya missiya v epokhu peremen (mezhd u propoved’yu i dialogom) [Church mission in the Era of Change (between Preaching and dialogue)]. 2012. Moscow: Science Publ., 708 p. (In Russian)

Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (19 – nachalo 20 vv.) [Essays on historiography and source studies of the history of Siberia of the Empire era (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2022. 319 p. (In Russian)

Poberezhnikov I.V. Povolzh’e i Ural – regional’nye modeli frontirnoi modernizatsii v Rossiiskoi imperii [Volga Region and the Urals – regional models of frontier modernization in the Russian Empire]. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniya: vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Materialy* [12th Tatishchev readings: All-Russian Scientific and practical conference: materials]. Ekaterinburg: KVADRAT Publ., 2020. Pp.21–29. (In Russian)

Popov G.A. *Sochineniya* [Essays]. *Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov drugikh inorodtsev Yakutskoi oblasti. Ocherki po istorii Yakutii* [The history of Christian enlightenment of the Yakuts and other foreigners of the Yakut region. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: Yakut University, Institute of Humanitarian Studies Publ., 2005. Volume I. 280 p. (In Russian)

Rezun D.Ya. K istorii zaseleniya Sibiri i Severnoi Ameriki v 17 v. (istoriko-sravnitel’nye paralleli [On the

history of settlement of Siberia and North America in the 17th century. (historical and comparative parallels]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII-XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th – 20th centuries: general and special]. Novosibirsk, 2001. № 1. Pp.8-23. (In Russian)

Rezun D.Ya. O nekotorykh momentakh osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [About some moments of understanding the meaning of the frontier of Siberia and America in modern Russian historiography]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v 17 – 20 vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th – 20th centuries: general and special]. Novosibirsk, 2001. № 1. Pp. 29-54. (In Russian)

Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. *Sibir', konets 16 – nachalo 20 veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th centuries: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: Sova Publ., 2005. 196 p. (In Russian)

Remnev A.V. Administrativnoe edinstvo Sibiri v istoricheskoi retrospektive (19 vek) [Administrative unity of Siberia in historical retrospect (19th century)]. *Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii Sibiri (17 – 20 vv.)*. *Bakhrushinskie chteniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of socio-political history of Siberia (17th – 20th centuries). Bakhrushin readings, 1997: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1999. 199 p. (In Russian)

Rumyantsev V.P., Khakhalkina E.V. Ispol'zovanie teorii frontira v sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniyakh: itogi i perspektivy [The use of frontier theory in comparative historical research: results and prospects]. *Slavyanskii mir Sibiri: novye podkhody v*

izuchenii protsessov osvoeniya Severnoi Azii [“Slavic world” of Siberia: new approaches in the study of the processes of development of Northern Asia]. Tomsk, 2009. Pp.109-125. (In Russian)

Sannikov A.P. Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii v 17 – 18 vekakh [Church, society and state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the 17th – 18th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University. Publ., 2016. 311 p. (In Russian)

Spasskii monastyr'. *Kratkii istoricheskii ocherk. 1644-1904 gg.* [Spassky monastery. A brief historical sketch. 1644-1904]. Sankt-Peterburg: Tipolitografiya I. Lur'e i K. Publ., 1904. 15 p. (In Russian)

Terner F. Dzh. *Frontir v amerikanskoi istorii* [The frontier in American history]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2009. 304 p. (In Russian)

Khromykh A.S. Problema Sibirskogo frontira v sovremennoi istoriografii [The problem of the “Siberian Frontier” in modern historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008. № 5. Pp.106-112. (In Russian)

Tsylin V., protoier. *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Sinodal'nyi i noveishii periody (1700–2005)* [The History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods (1700–2005)]. Moscow, 2009. 864 p. (In Russian)

Yurganova I.I. Putevye zametki pokhodnogo svyashchennika kontsa 19 veka (publikatsiya dokumenta) [Travel notes of a field priest of the late 19th century (publication of the document)]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the St. Philaret Humanitarian University]. 2021. № 39. Pp.148-169. (In Russian). DOI: 10.25803/26587599_2021_39_148.

I.I. Yurganova

Russian Orthodox Church in Eastern Siberia: from Frontier to Outskirts

Scientific novelty. The article provides a brief description of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the East Siberian territories, considered in the perspective of the theories of the frontier and imperial suburbs tested and used by modern humanitarian science. *The aim and tasks.* The aim is to turn to modern methodologies for the study of the activities of the Russian Orthodox Church as one of the elements of the imperial policy of incorporation of the East Siberian territories into the Russian state. *Research methods.* In accordance with the aim of the work the study involves a civilizational approach and its derivative, the intercivilizational dialogue, one of the results of which is the transition from the frontier stage to the outskirts; a mondialist approach that recognizes the socio-cultural specifics of local communities through religious and symbolic forms and the principle of holism (integrity), considering the missionary activity of the Russian Church as an integral part of state policy on development of Eastern Siberia.

Results. It is determined that missionary activity contributed to the communication dialogue which acquired special significance in the frontier zones; it is noted that the main reason for the permanence of the process of Christianization

was the state policy aimed at regularly ensuring the collection of yasak, due to fiscal interests the prohibition of forced conversion to Orthodoxy; it is indicated that the insignificant influence of the Christian mentality in the life of peoples leading nomadic or semi-nomadic the way of life, whereas the urban population and the peasantry of Eastern Siberia by the beginning of the 20th century had an Orthodox worldview. The conclusion is made about the role of the church which ensured the presence of the state in remote territories and the importance of its activities in the transition from the frontier to the outskirts.

Keywords: Eastern Siberia, Russian Orthodox in Eastern Siberia, Siberian frontier, religious frontier, Siberian outskirts, missionary work, missionary camps